

Толстой Лев Николаевич

5.06.04

23

№ 99 (2463) ИЗВЕСТИЯ

06

После первой чеченской войны без конца повторялось, что ее начали люди, не читавшие «Хаджи-Мурата». Ровно 100 лет назад Лев Николаевич Толстой завершил повесть «Хаджи-Мурат» — свое самое современное произведение. Через «курящийся душистым кизячным дымом чеченский немирной аул Махкет» закутанный в башлык и бурку знаменитый полевой командир русско-кавказской войны XIX века въехал в русскую литературу. Сегодняшний взгляд на толстовского героя — тема этой страницы «Известий».

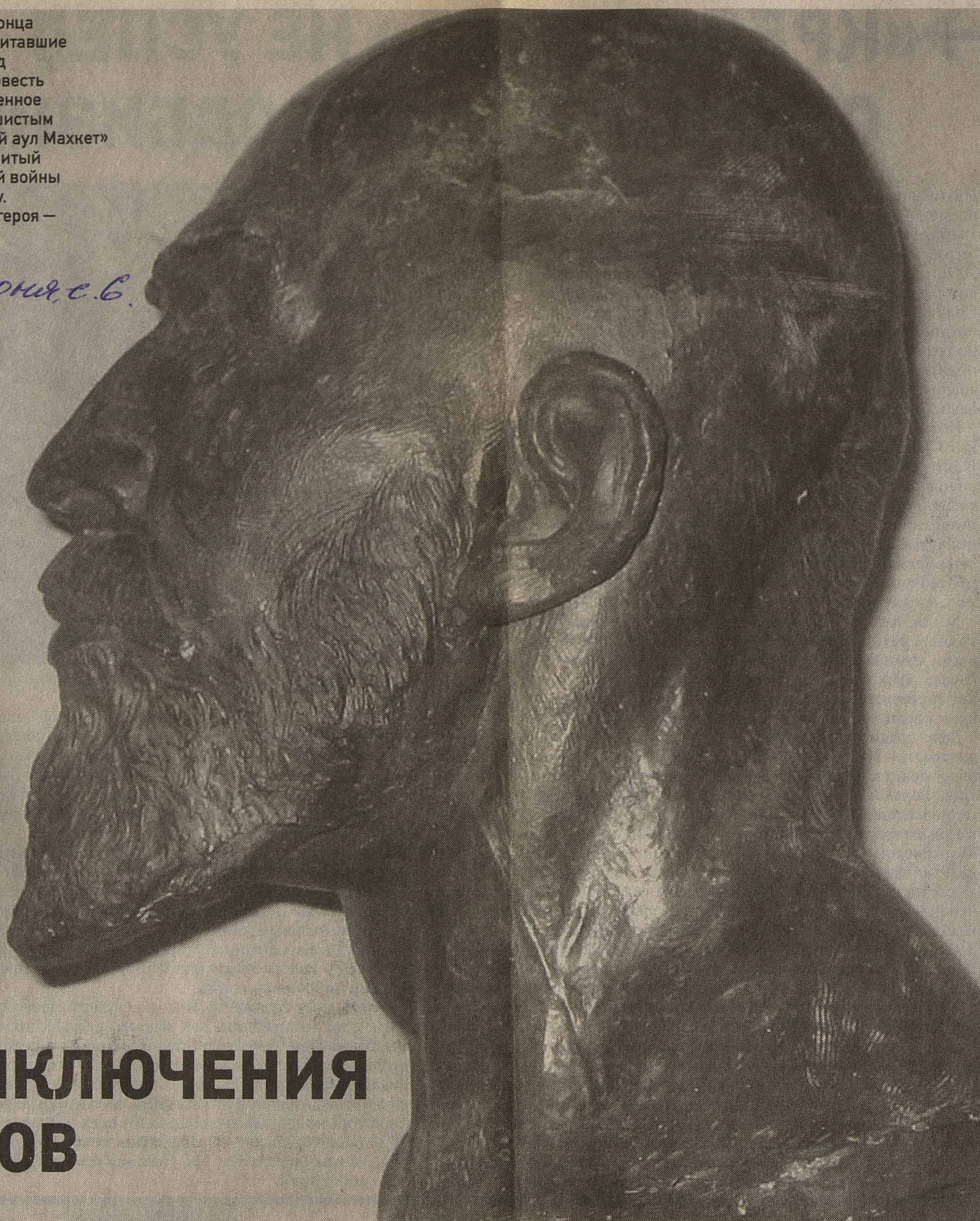
Известия. 2004. 5 июня с. 6.

СУББОТА 5 ИЮНЯ
ЧЕЛОВЕК
СТРАНИЦУ ПОДГОТОВИЛ СЕРГЕЙ НЕХАМИН

ИЗВЕСТИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГОЛОВ

Подлинный Хаджи-Мурат выглядел так (см. снимок). Это реконструкция по черепу, произведенная знаменитым антропологом Михаилом Михайловичем Герасимовым. «— Вот она, — сказал Каменев (...) — Узнаете? Это была голова, бритая, с большими выступающими (...) над глазами и черной стриженной бородкой и подстриженными усами, с одним открытым, другим полузакрывшим глазом, с (...) недорубленным (...) черепом, с окровавленным (...) носом» (Лев Толстой. «Хаджи-Мурат»).

Убитому Хаджи-Мурату отрубили голову не из-за какой-то особой злобы на него. Фотоаппаратов и видеокамер еще не было — как удостовериться факт ликвидации? Кровавая обидность той войны. Голову отрубили в Тифлисе. Князю Воронцову советовали выставить ее на базаре, чтобы все увиделись, что «этот человек — ужас стальных людей и провинций — умер». Светлейший, однако, счел это неприличным. За спиртованную голову передали в местный госпиталь, но слух по городу пустили. В госпиталь ломились толпы, кто умел рисовать, шли с альбомами — сделать набросок для памяти.

Потом шумиха спала, и встал вопрос: а что, собственно, с этой головой делать дальше? Выбросить? Неудобно. Везти за сотни верст обратно, чтобы полхоронить в могилу? Ну уж знаете... Решили отдать ученым. Военный лекарь освободил череп от мягких тканей и переслал в Петербург в коллекцию анатомического театра Академии наук. Оттуда череп перекочевал в Медико-хирургическую академию, потом — в Императорскую военно-медицинскую, и уже в советские годы оказался в фондах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). Вопреки драматическим слухам он не выставлялся на всеобщее обозрение — просто хранился в коллекции антропологического отдела. (Между прочим, по содействию вполне мог оказаться череп славного путешественника Миклухо-Маклая — этот, добрая душа, сам завещал свою голову для науки. Хотя, разумеется, собрание черепов великих людей для антропологов не самоцель.)

Михаил Михайлович Герасимов свою реконструкцию сделал в 1964 году. Грозный

воин выглядит вполне благообразно. Но Татьяна Сергеевна Балуева, заведующая знаменитой герасимовской лабораторией, подчеркнула: мастер лишь в исключительных случаях придавал реконструируемому облику «выражение»; он считал своей первоочередной задачей явить лицо исторического героя; художественные же дополнения — чреватые искажением черт. Кстати, Толстой тоже отмечает «детское, доброе выражение», с которым смотрела отрубленная голова. А он в деталях точен, даже масть Хаджи-Муратовых лошадей специально выяснял.

Отчетливо различимый на реконструкции полукруглый рубец — не результат упоманутого Толстым «недоруба», это след прижизненной раны. Скорее всего — память о первом побеге от русских, Хаджи-Мурат тогда сильно разбил, прыгнув с ответной крочи.

В 2000 году депутат Госдумы Гаджимурад Омаров поставил в парламенте вопрос о передаче останков (череп) Хаджи-Мурата из Кунсткамеры Дагестану: негоже, мол, когда славная голова нашего национального героя лежит в музейном шкафу. Живы его потомки, надо передать череп им для захоронения на местном кладбище. При Госсвете республики была создана специальная комиссия. Газеты сообщали о соответствии принципиальной договоренности между тогдашним министром культуры России Михаилом Швыгиным и главой Госсвета Дагестана Магомедом Магомедовым.

Но возникла юридическая коллизия. Речь, что ни говорите, идет о предмете из музейного фонда Российской Федерации. По принципу «попросили — отдали» такие вещи не передаются. Существует официальный порядок действий, определенный правилами реституции и репатриации музейных ценностей. Сотрудники музея не имеют права этот порядок нарушить. Директор Кунсткамеры Юрий Чистов в разговоре с «Известиями» отметил: «Согласно решению Министерства культуры мы исключили череп из антропологической коллекции. Дальше должно быть юридическое решение и бумага из Министерства

культуры, согласованная с Академией наук, о том, кому он передается. Такой бумаги у нас нет».

В общем — юридическая коллизия. Было уже несколько судов, но требование о передаче они не удовлетворили. Почему? Ну, например, по словам Юрия Чистова, суд счел малоубедительными доводы вроде «по утверждению аксакалов, гражданин такой-то является потомком Хаджи-Мурата». Кроме того, претендует на череп и Азербайджан, где находится могила Хаджи-Мурата (его похоронили под Нухой, ныне это азербайджанская территория). Так что, пока — в Кунсткамере. «В ведении главного хранителя музея», как сказал нам Юрий Чистов.

Лев Толстой: «Гаджи-Аза (участник боя. — «Известия») наступил ногой на спину тела, с двух ударов отсек голову и осторожно, чтобы не запачкать в кровь чулки, откатил ее ногой». Он 152 года назад откатил, а проблемы до сих пор тянутся.

Впрочем, и черепам противников Хаджи-Мурата тоже не было покоя. Светлейший князь фельдмаршал Михаил Воронцов (пушкинский «полу-милорд, полу-невежда», храбрый воин, мудрый администратор) умер в 1856-м в Одессе и был с почестями похоронен в местном Спасо-Преображенском соборе. В 1936 году храм взорвали. Могила Воронцова сейчас находится на одном из одесских кладбищ — туда, пишут, накануне перенесли останки князя. Что ж, можно представить, как в тридцатые перетаскивались аристократические кости... Игры с головой как ахунулись, так и откликнулись.

Допрашивавший Хаджи-Мурата ротмистр Михаил Таризович Лорис-Меликов с годами сделал фантастическую карьеру. Прославленный генерал, покоритель Карса, победитель «ветлянской чумы», он стал при Александре II «бархатным диктатором», готовил конституцию. Но Александр II убили народолюбцы, а новый царь взял противоположный политический курс. Разочарованный Лорис-Меликов подал в отставку. Умер в Ницце в 1888 году. Его уменная голова России просто не пригодилась — вполне банальная ситуация.

«Хаджи-Мурат ЭТОТ БЫЛ ЗНАМЕНИТЫЙ СВОИМИ ПОДВИГАМИ НАИБ ШАМИЛЯ...»

...Он поссорился с Шамилем, переметнулся к противнику, обещал служить «белому царю», просил лишь выручить сидевшую в Велено в заложниках семью — мать, жену, шестерых детей. Поначалу с ним тетешкались, водили зачем-то на итальянскую оперу, наместник Воронцов ласково обещал покровительство, а умный ротмистр Лорис-Меликов все расспрашивал о жизни да записывал в книжечку. Но Николай I в Петербурге решил, что переход к русским противника такого калибра свидетельствует о том, что горцы пали духом, и, значит, надо их теснить с новой силой. Начали теснить, а Хаджи-Мурата, чтобы не мозолил глаза, отправили почетным пленником в дальнюю крепость Нуху. На самом деле горцы морально слабее не стали, у Шамиля с Хаджи-Муратом была своя ссора, и когда русские направили против «немирных» новую экспедицию, Шамиль потребовал от бывшего сподвижника вернуться, иначе — пройдемся с семьей: женщины раздаст «по аулам», любимому сыну выколет глаза. Хаджи-Мурат понял, что попал в западню. Выручать его близких никто не собирался. Он решил действовать сам. Вместе с верными нукерами во время прогулки перебил казачий конвой и бежал. Снарядили погоню, настигли, в яростном бою Хаджи-Мурат погиб. В подтверждение того, что со знаменитым разбойником покончено, труп обезглавили и отрубленную голову отправили начальству.

Важный, но не ключевой эпизод бесконечной русско-кавказской войны XIX столетия. Мы его пересказываем в толстовской версии, о подлинных мотивах перехода Хаджи-Мурата спорят до сих пор. В любом случае, к 1904 году все это уже было воспоминанием, и Льву Николаевичу Толстому вряд ли думалось, что через сто лет снова будет тревожно звучать — война... чеченцы... заложники... перешел на сторону... А село Махкеты Веленского района опять фигурирует в оперативных сводках — то там бой, то зачистка, то люди пропадут, то ваххабитский джамаат разгромят, то начальника милиции застрелят, «Немирной аул»...

ВЛАДИМИР ДЕГОВЕВ

ГЛАЗАМИ ПОЛИТОЛОГА

профессор (Москва)

ХАДЖИ-МУРАТ В НАШИ ДНИ? СОМНЕВАЮСЬ!

— После первой чеченской войны без конца повторялось, что ее начали люди, не читавшие «Хаджи-Мурата»...

— Красивая фраза, но что имеется в виду? Упорство сопротивления? Самопротивостояние великой державы и маленькой Чечни? Разве что это — и только.

Тогда ведь было как?

Вот Шамиль — потрясающая фигура, воин, вождь, политик, инстинктивно нащупавший принципы, которые в Европе сформулировал Макиавелли (мне, грешным делом, даже жалко, что Толстой свои гениальные краски потратил на Хаджи-Мурата, а не на Шамиля — Шамиль, если говорить сегодняшним языком, гораздо «круче»).

Вот Хаджи-Мурат, его наиб (военачальник и правитель территории), смелый, своеобразный, строптивый. «Обоюдострая шпага», как говорил о нем Воронцов.

Двум медведям в одной берлоге не жить, тем более что Хаджи-Мурат сам хочет быть первым. Шамиль соперника отдалает. Тот начинает своеобразничать — устраивает набег на казаков, на мирных горцев. Шамиль настроен призвать его к ответу, но тут Хаджи-Мурат делает неожиданный ход — переходит на сторону русских. Предательство? С точки зрения рядовых — вероятно. Но пройдет несколько лет и сам Шамиль из почетного русского пленника будет призывать остатки своего войска: хватит воевать с Россией, напрасное это дело. Он что — предал идеалы? А может, просто осознал историческую реальность?

Впрочем, вряд ли Хаджи-Мурат мыслит такими категориями. Просто знал, как дорого русские покупают мятежную горскую элиту — дают генеральские титулы, деньги, земли. Вспомните: у Толстого именно такие, перешедшие ранее к русским горцы и убивают Хаджи-Мурата после побега — а голову ему отрубает бывший кулак Гаджи-Ага. Кстати, это, может быть, один из немногих моментов, сопоставимых с нынешней чеченской ситуацией: раньше или позже лидеры повстанцев (не первого уровня) начинают понимать, что великая держава может дать им больше, чем непосредственный вожак.

ВЛАДИЛЕН ГАДЖИЕВ

ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

профессор (Махачкала)

ПОДЛИННЫЙ ХАДЖИ-МУРАТ БЫЛ И ПРОЩЕ, И СЛОЖНЕЕ ТОЛСТОВСКОГО

— Подлинный Хаджи-Мурат? Горец был — этим все сказано, Колоритнейший персонаж своего времени. Храбрый. Удалец. Одровременно — трудноуправляемый, своенравный, нередко — жестокий. Молодым парнем принял участие в убийстве имама Гамзат-бека (шла борьба за престол в Аварском ханстве, сейчас сказали бы — организовал теракт). Ненадолго стал правителем Аварии, русский генерал Розен дал ему чин прапорщика, но Хаджи-Мурата оклеветали, арестовали, он совершил отчаянно смелый побег, ушел к Шамилю, благодаря отваге и воинским талантам вскоре стал одним из самых знаменитых горских командиров — об этом у Толстого подробно. А вот об исходных причинах разрыва с Шамилем не сказано. Шамиль послал Хаджи-Мурата поднимать на борьбу с Россией лезгин — тонкая военно-дипломатическая миссия, с которой Хаджи-Мурат не справился. Более того! Своей жестокостью он восстановил лезгин против Шамиля. Шамиль был в гнев... — Походил ли Хаджи-Мурат на толстовского героя?

— Помните изумительный сквозной образ повести? Репейник. В поле — красив. Попытались сорвать — еле удалось, да и в букете не смотрится. Телега переехала — упрямо поднимается. Толстому было важно показать человека нестигаемого, готового противостоять любому давлению — будь то русский царь или Шамиль. Но мне кажется, проводя эту мысль, Лев Николаевич сознательно... нет, не исказил факты, просто подчеркнул одну черту, не выделяя другие... К историческому Хаджи-Мурату Лев Николаевич, думаю, отнесился жестко. У него в письме к брату есть интересная фраза: Хаджи-Мурат был смелый, мужественный, такой, этаким, но он «совершил подлость», перейдя к противнику.

— Почему царские генералы не использовали Хаджи-Мурата в психологической войне против горцев?

— Это современное европейское понятие — «психологическая война». Тогдашние горцы жили по своим законам. Переход Хаджи-Мурата они восприняли однозначно: измена. Мотивы не важны. Кто его подержал? Только родственники.

— Для вас Хаджи-Мурат фигура со знаком «плюс» или «минус»?

— Историк не должен расставлять плюсы и минусы, мазать черной или белой краской. Была эпоха — мы ее изучаем. Тогдашний Кавказ — одно, нынешний — другое, одно дело — воины Шамиля, другое — сегодняшние чеченские бандиты. А как-то спекулировать на прошлом, искать аналогии... Я против!

— Почему Хаджи-Мурат бежал от русских?

— Трудно сказать. Он ведь, между прочим, был человек по-кавказски импульсивный — мог просто среагировать на случайное слово.

— Можно перенести сюжет «Хаджи-Мурата» в наши дни?

— Вы имеете в виду сегодняшнюю чеченскую ситуацию? Конечно, нет! «Хаджи-Мурат» интересен тем, что герой действует именно в тот момент, когда две стороны — горцы и русские — примерно равны, потому и оказывается между двумя равновесными силами. А в Чечне сейчас... Тыфу-тыфу, чтобы не слазить, но мне кажется, что пик противостояния уже пройден. Несмотря на все взрывы. Это не значит, что мир близок, но потенциал войны уже исчерпан.

Я ЗНАЛ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ СМОГ БЫ НАПИСАТЬ «ХАДЖИ-МУРАТА» СЕГОДНЯ...

ВАДИМ РЕЧКАЛОВ

Я знал человека, который смог бы написать «Хаджи-Мурата» сегодня. Его звали Эрик. Он работал спикером в «Московских новостях». Мы познакомились в разгар второй войны в декабре 1999-го в тамбуре дзеза «Гудермес-Прохладное». Все у нас в тот раз как-то удачно получилось в этой Чечне, и мы возвращались в Москву уставшие и самодовольные.

— Писать в газету может любой дурак, — говорил пьяный Эрик. — Начало заметки, середина, конец. Комментарий эксперта. Но не каждый умеет, как мы, ездить в Чечню два раза по семь дней каждый месяц.

— А еще важна первая фраза, — говорил пьяный Эрик. — Вот послушай: «Отеля в Грозном нет, нас поселили в интернате для умственно отсталых...»

— Да, конечно, — соглашался Эрик. — Первая фраза очень важна. Например, такая: «В холодный ноябрьский вечер Хаджи-Мурат въезжал в курившийся душистым кизячным дымом чеченский немирной аул Махкет...» Был я в Махкетах. Ничего не изменилось...

Эрик был храбр. Особенно когда возвращался из Чечни. Мог ввязаться в неравную

драку, обругать начальника, всю ночь пьянствовать со всяким отребьем, всерьез полагая, что если в Грозном с ним ничего не случилось, то уж теперь-то, в Москве, точно ничто не грозит. Его убили в ночь на 31 марта 2002 года на Курском вокзале. Как потом выяснилось — им понаравили его старенький мобильник. Менты нашли бумажник Эрика рядом с телом — в мусорном баке. В том отделении бумажника, где обычно хранится фотография жены и детей, лежала вырезка из газеты: «Друзья и коллеги поздравляют Эрика Батуева с тридцатилетием. Мы любим тебя, скучаем, когда ты отправляешься в странствия, волнуемся за тебя и ждем с нетерпением новых историй. Желаем тебе весеннего настроения и успехов во всех делах». Шесть строк nonпарелю на две колонки. В отличие от графа Толстого, Эрик был очень одинок.

После похорон Эрика я позвонил в «Московские новости»: — Возьмите меня на работу. — А что ты умеешь делать? — Я умею ездить в Чечню два раза по семь дней каждый месяц.

Меня взяли. Посадили за его компьютер. Экран монитора был усеян файлами. — Что с ними делать? — спросил я. — Удалить! — ответили мне. — Все ценное родственники уже скопировали.

Я и удалял, не открывая, пока не наткнулся на папку «Повести». Я открыл эту папку. Там был всего один файл в десять строчек. Первую фразу я помню наизусть: «Свою будущую жену Аслан увидел в оптический прищел...» И дальше о том, что по разным берегам бурной реки Аргун напротив друг друга стоят два чеченских села. В том, что побольше, находились комендатура федеральных сил, а другое, то, что поменьше, контролируют боевики. И вот один из боевиков, восемнадцатилетний Аслан, наблюдая за врагами в прищел снайперской винтовки, замечает через свою оптику спускающуюся за водой девушку. И влюбляется. И хочет на ней жениться. И надо засылать сватов, а потом красть невесту или сначала красть, а потом засылать, но на тот берег нельзя, там федералы, и те, кто туда переправляется, обратно уже не возвращаются. И собираются старики и решают, что делать. И договариваются до того, что идти за невестой, конечно, опасно смертельно,

война, но семья важнее, и если не создавать новые семьи, то через двадцать лет и воевать-то с русскими будет некому. И все это в десяти строчках. И больше в папке «Повести» ни слова. И в других папках тоже.

Я рассердился на мертвого Эрика. Эрик, Эрик, злился я, вместо того чтоб бухать с бомжами, дописывал бы лучше свою повесть. Потому что мне уже было не все равно, как там сложится дальше. Я уже увидел и эту речку, и эту комендатуру, и этого Аслана, и этих стариков. Хотя, конечно, на самом деле ничего такого в Чечне нет. Чтоб вот так два аула — мирной и немирной — и напротив друг друга. Разве что Дуба-Юрт и Улус-Керт, но там расстояние километров пять и Аргун не посередине, а чуть западнее, да и не бурный он в том месте, там еще мост есть, как на Шатой ехать. Я это все знаю, но вот поверил, что так оно и было, как Эрик написал.

Эрика похоронили на родине, под Ижевском. Несколько раз я пытался додумать эту историю. Чтоб узнать наконец чем там кончилось у Аслана и его девушки. Ничего у меня не получилось. Даже имени девушки я не узнал. Не моя повесть. Не дописывается. Разве что как-то вот так...